

ИДЕЙНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ ГУМАНИСТОВ И ИХ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ: ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Прокопьева Наталья Валентиновна

кандидат социологических наук, доцент,
Барнаульская духовная семинария

IDEOLOGICAL VIEWS OF HUMANISTS AND THEIR CONTRADICTIONS: FROM THE HISTORY OF RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL THOUGHT

**V. Skopa
N. Prokopyeva**

Summary: The beginning of the Renaissance is traditionally associated with the special political, economic and social conditions that had developed in Italy by the 14th century. This is the economic boom of the cities of Northern and Central Italy; the emergence of early capitalist relations; the formation of urban communes. The ideological views of the humanists had a significant impact on the development of religious and philosophical thought, but at the same time their concepts often caused controversy. During the Renaissance, humanism became an expression of man's desire for self-knowledge and the assertion of his rights and dignity. Humanists focused on the value of the human personality, his reason and free will, which contradicted traditional religious beliefs emphasizing the greatness of God and man's dependence on Him. The ideological views of the humanists became a key link on the path to modern ideas about man and his role in the world, opening up new horizons for religious and philosophical thought.

Keywords: humanism, history of religious and philosophical thought, Petrarch, Manetti, soul, God.

Аннотация: Начало эпохи Возрождения традиционно связывают с особыми политическими, экономическими и социальными условиями, сложившимися в Италии к XIV веку. Это экономический расцвет городов Северной и Средней Италии; зарождение раннекапиталистических отношений; становление городских коммун. Идеи гуманистов оказали значительное влияние на развитие религиозно-философской мысли, но в то же время их концепции часто вызвали противоречия. В эпоху Ренессанса гуманизм стал выражением стремления человека к самопознанию и утверждению своих прав и достоинства. Гуманисты акцентировали внимание на ценности человеческой личности, её разуме и свободе воли, что противоречило традиционным религиозным убеждениям, подчеркивающим величие Бога и зависимость человека от Него. Идеи гуманистов стали ключевым звеном на пути к современным представлениям о человеке и его роли в мире, открыв новые горизонты для религиозно-философской мысли.

Ключевые слова: гуманизм, история религиозно-философской мысли, Петрарка, Манетти, душа, Бог.

Обращение к проблеме становления самосознания итальянского гуманиста эпохи Возрождения обусловлено повышенным интересом к человеку и его внутреннему миру не только в исторической науке, но и в области гуманитарных знаний в целом. В истории этот поворот к человеку выразился в развитии исследований в жанре персональной истории, микроистории – с одной стороны, как следствие желания определить особое, неповторимое «лицо» каждой эпохи, с другой – как стремление узнать, как в различных эпохах в сознании отдельного человека преломляются, переосмысливаются те самые общие установки, внешние импульсы. Творчество итальянских гуманистов эпохи Ренессанса давно привлекает внимание историков, философов, геологов. Но в зарубежной и отечественной науке больше изучены этические и социальные взгляды гуманистов, нежели религиозно-философские.

Идейные воззрения гуманистов оказали значитель-

ное влияние на развитие религиозно-философской мысли, но в то же время их концепции часто вызвали противоречия. В эпоху Ренессанса гуманизм стал выражением стремления человека к самопознанию и утверждению своих прав и достоинства. Гуманисты акцентировали внимание на ценности человеческой личности, её разуме и свободе воли, что противоречило традиционным религиозным убеждениям, подчеркивающим величие Бога и зависимость человека от Него [3, 6, 11]. С одной стороны, гуманизм способствовал распространению идей о свободе мышления и индивидуализме, что стало основой для отношения к религии как к более личному и субъективному опыту. С другой стороны, это привело к конфликтам с церковными догмами, которые жестко регулировали духовную жизнь людей [6].

Противоречивость гуманистических воззрений проявлялась не только в их отношении к религии, но и в разнице социальных и политических взглядов. Некоторые

гуманисты выступали за реформы и социальные изменения, стремясь к улучшению условий жизни для большинства, в то время как другие оставались привязанными к статус-кво, что подчеркивало разнообразие мнений в рамках самого гуманизма [10].

Обращение к природе вполне закономерно и очень рано начало выводить гуманистов на путь, в конечном итоге приводящий к материалистическому миропониманию. Когда Петрарка пишет, что от Солнца и Луны происходят не только изменения погоды, но и «земные плоды», то перед нами уже знакомое оттеснение бога реальными силами природы, – что само по себе уже достаточно показательно [13]. Но когда первый гуманист из действия тех же светил выводит «жизнь существ», то, очевидно, он уже порывает с религиозной идеей творения и делает несомненный шаг к материализму [4]. Конечно, первоначально это только отдельные догадки, затем – нарастающее течение, еще далекое от последовательности.

Так, у Манетти находим и начало новой, материалистической теории познания – гносеологии [5]. Он не сомневается, что мы познаем мир посредством органов чувств. «Для познания и понимания» человеку служат «благородные и превосходные свойства зрения и слуха, чувств» [5, с. 69]. Здесь Манетти выступает предшественником Леонардо.

Еще в гуманизме XV века зарождается и идея естественной необходимости. «Ведь все, – писал Пантано, – подчинено необходимости, которая и есть закон природы и божья воля» [12]. Так воля божества оказывается только иным наименованием необходимого закона природы. Указанная тенденция в гуманизме не замыкается на природе. У Петрарки можно обнаружить проблески понимания первостепенного значения для политики материальных условий жизни народа: «Довольство народа, – писал он, – зависит не столько от статуса людей, сколько от удовлетворения их телесных потребностей» [13].

Гуманисты XV века идут дальше. Гуманисты приближаются к пониманию социальной ценности буржуазного богатства и даже – роли личного интереса в экономическом развитии. Так, Валла, воюя против аскетизма и скaredности, связывает эти явления со скудостью жизненных возможностей «древних, грубых и диких людей», еще «не знавших богатств», тогда как теперь люди могут «с каждым днем наслаждаться изобилием» [1]. Доказывая, что в основе общественных отношений лежит польза и выгода, Валла решительно утверждает: «Нет никакого сомнения, что основанием отношений господ и слуг является исключительно выгода» [9]. Жажда обогащения, соображения личной выгоды получают обоснование в настоятельнейших требованиях природы. Жад-

ность «полезна и необходима»: она рождает богатство, а этим держатся города и государства. Поэтому «жадных (богатых) следует считать основой и фундаментом государства» [1].

Браччолини Поджо готов признать, что «жадные» богатеют за счет других людей, но это его не смущает: «Ведь не бывает так, чтобы получение прибыли не причиняло бы ущерба другому человеку, ведь то, что приносит выгоду одному, делается за счет другого» [7]. Более того, он пытается осмыслить прогрессивную роль товаропроизводящего хозяйства: «Если каждый не будет трудиться сверх своей потребности никто не станет производить больше того, что необходимо для него и его семьи... исчезнут весь блеск городов, красота и пышность... прекратят существование все искусства, наша жизнь и общественный порядок расстроится» [7, 8]. Это голос не ремесленника и не купца, но собственно буржуа-капиталиста. Видно, что вульгарный утилитаризм защитника богатства крайне упростил картину, так что даже помешал ему увидеть в отмеченном прогрессе рождение такого глубоко человеческого явления, как гуманизм, лежащего вне плоскости непосредственной полезности [2, 12]. Но несправедливо было бы не заметить этой ранней попытки приблизиться к материалистическому пониманию буржуазного богатства, его превосходства над мелким, потребительским хозяйством.

Материалистическая тенденция объективно содержалась в гуманистической идеологии, но субъективно она, как правило, не осознавалась, а иногда и прямо отвергалась. Порою мы сталкиваемся с явными непоследовательностями и противоречивостями в их суждениях. Смысл этих непоследовательностей непросто и меньше всего поддается однозначному определению. Когда Манетти горячо доказывает, что именно человек обладает мудростью, и убедительно подтверждает это всем богатством достижений человеческой мысли, творений его рук, его изумительной изобретательностью, то есть вполне реальной, земной реализацией этой мудрости, а вслед за тем пытается истолковать ее как «верное знание единого истинного бога» и свести ее к тому, «чтобы познавать и почитать бога перед всем прочим», – иными словами, одним махом, без каких-либо доказательств перечеркивает всё, что только что сам доказывал, то перед нами явная декларация, призванная смягчить впечатление полного несоответствия предшествующих рассуждений духу религии [5, 11]. Подобным же образом, очевидно, обстоит дело и тогда, когда, как правило, ссылаясь с большим уважением на авторитет античных мыслителей, он заявляет: «Древние мнения всех языческих писателей мы ни во что не ставим, так как они, по-видимому, расходятся с католическим ортодоксальным учением» [5]. Слово «по-видимому» заставляет усомниться в искренности огульного отрицания гуманизмом всей античной мудрости. В тоже время, вполне воз-

можно, что не всегда это просто спасительные декларации. Восхищаясь человеческим телом, как никто ранее прославляя его достоинство, Манетти в другом месте может назвать его «бренным и мрачным обиталищем» души [5]. Очевидно, не всегда удавалось гуманистам во все уклониться от общеобязательной терминологии. Настойчиво доказывая, что человек создан, чтобы познавать и действовать, чтобы быть владыкой мира, Манетти нет-нет, да и повторит, вслед за церковными авторами, что человек создан, чтобы любить и почитать бога. Но тут же утверждает, что «бог внушил человеку любовь к самому себе», и даже, что «за соблюдение этого долга бог обещал людям вечное спасение» [5]. Как бы ни пытался гуманист подкрепить или прикрыть свои идеи «священными» авторитетами, – невозможно согласовать несогласуемое [3].

Манетти, который в своем трактате убедительно обрисовал человека как творение природы, сам же «без сомнения» утверждает, что, вопреки «ложной мудрости языческих мужей», «мир создан всемогущим богом из ничего и ради людей» [5]. По всей видимости, здесь дело не только в силе мыслительной традиции. Гуманисты искали высокого смысла человеческого существования в окружающем мире, в природе [2, 6]. Уже не в боге, а в человеке видели они высший смысл Вселенной. Объективность натуралистических представлений античности, в частности учения Аристотеля о вечности и несотворенности мира, мало подходила для такой антропоцентрической картины мира. При таком понимании человек оказывался случайным и несущественным элементом мироздания, а не его центром и целью. Как ни странно, христианская идея сотворенности мира богом оказывалась здесь более подходящей. Но с одной существенной оговоркой: «ради людей». Манетти пишет: «Единственно ради человека был создан и устроен богом мир» [5]. Видно, как гуманист остается верен себе: беря религиозную идею, он перетолковывает ее в гуманистическом духе. Однако непоследовательность остается.

Подобным же образом она проявляется и в вопросе о душе. Манетти решительно отвергает учение Эпикура о смертности души, хотя именно вера в ее бессмертие, внушая человеку надежду на некую потустороннюю жизнь, побуждает его отворачиваться от реальной, земной жизни, лицом к которой и стремились гуманисты повернуть человека [11]. Эта вопиющая непоследовательность была присуща не одному Манетти. Еще Петрарка, отринувший религиозно-аскетическую поэтизацию смерти и, в сущности, глубоко равнодушный к церковному учению о загробной жизни, также восставал против учения о смертности души [13]. Видимо, эта непоследовательность коренилась в противоречивости самого гуманизма: открыв и необычайно поднимая самооценку суверенной человеческой личности, абсолютизируя ее, гуманисты не могли смириться с мыслью о смертно-

сти индивидуальной души, которая словно бы ограничивала и принижала личность, – хотя сами же они, начиная с Петрарки, искали подлинного бессмертия не на небесах, а в кипучей творческой деятельности на земле, дающей славу и благодарную память потомков. Интересная деталь: открыто воюя против Иннокентия III, проповедовавшего аскетическое презрение к миру, и в противовес ему прославляя жизнь, Манетти, как истый гуманист, осуждает самоубийство, самоубийц и, в частности, Сократа, Катона [12]. И, ставя вопрос, что же породило в этих выдающихся людях губительное презрение к жизни, Манетти приходит к выводу: «надежда на бессмертие». В отношении Клеомброта, пишет он, известно, что он читал книгу Платона о бессмертии души и, очевидно, поверил в то, что там написано. То же самое Плутарх сообщает и о Катоне. Манетти явно не одобряет учение о бессмертии души. А дальше он приводит высказывания Амвросия Медиоланского и некоторых других «отцов церкви» в пользу ненавистной ему идеи «о благе смерти» и также объясняет их надеждами «на блаженную и счастливую будущую жизнь добрых душ, отделенных от тела» [5]. Несогласие очевидно. А ведь речь идет уже о христианском вероучении. Не очень похоже, что Манетти действительно верил в бессмертие душ.

Что же касается материалистической тенденции, то очень долго она оставалась реальной, но подспудной, и гуманисты старались отмежеваться от материализма. И, если подходить к гуманизму исторически, это не должно вызывать удивления: покуда духовная деятельность не была раскрыта как функция организма, а материя – как мать, родительница духа, материализм мог представляться только как замыкание в тесных пределах и побуждениях плоти, без выхода в мир духовной деятельности, и никак не мог привлечь того, кто был убежден в могуществе человеческого духа, стремился доказать его богоравность [6].

Гуманизм начал поворот к природе и, значит, объективно – к материи. Но в решении важнейших для него социально-нравственных вопросов гуманизм оставался идеалистическим учением: он верил в возможность достижения гармонического состояния общества только путем образования и нравственного воспитания личности. Как ни ценно обращение гуманизма к природе, оно еще далеко от научности. Гуманистам не доставало естественно-научных знаний, и потому в своих попытках осмысления человека как природного явления они сбились на точку зрения телеологии. Так, Манетти совершенство человеческой фигуры объясняет целью, к которой предназначен человек, а именно – к познанию. По его мнению, «животных, обладающих большой силой», бог создал «для того, чтобы они помогали человеку в обработке земли» [5]. Следовательно, фактически изгнав божественное провидение из человеческой и вообще

из земной жизни, гуманист в объяснении естественных явлений прибегает к «доводам» креационизма, унаследованного от религии, ищет в природе не причин, а внечеловеческих целей. Правда, не следует упускать из виду, что смысловая направленность гуманистической телеологии, в сущности, противоположна креационизму религии: она была призвана доказать не «премудрость творца», а высшее достоинство человека. И если при этом гуманистический антропоцентризм не смог преодолеть пережитков идеалистической телеологии, то вспомним, что и три столетия спустя Вольтер, пытаясь объяснить целесообразность природы, все еще не мог обойтись без «целевых причин». По всей видимости, сталкиваемся с одним из главных противоречий ренес-

сансного гуманизма, в котором проявилась и его сила, и его слабость. Девиз «Человек – мера всех вещей» был очень верен в отношении идеи бога, но он неверен в отношении природы. Ранний гуманизм не замечал этой своей ошибки, хотя уже начал подчинять человека законам природы. По-настоящему это понял только Леонардо да Винчи.

Таким образом, идейные воззрения гуманистов стали ключевым моментом на пути к современным представлениям о человеке и его роли в мире, открыв новые горизонты для религиозно-философской мысли, одновременно создавая глубокие противоречия, которые продолжают обсуждаться и по сей день.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lorenzo Valla e L'umanesimo italiano. Atti del convegno internazionale di studi umanistici. Padova, 1986. – 215 p.
2. Буркгардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. СПб, 1906. Т. 2. – 514 с.
3. Гуковский М.А. Предисловие к кн.: Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии. М., 1963. – 254 с.
4. Девятайкина Н.И. Мировоззрение Петрарки: этические взгляды. Саратов, 1988. – 284 с.
5. Манетти Дж. О достоинстве и превосходстве человека // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Сб. текстов. Саратов, 1988. – С. 68-76.
6. Петросян М.И. Гуманизм. М.: Мысль, 1970. – 291 с.
7. Поджо Браччолини Застольный спор о жадности // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения. XV век. М., 1985. – С. 85-90.
8. Поджо Браччолини Фацетии. М., 1996. – 336 с.
9. Ревякина Н.В. Лоренцо Валла. О наслаждении (Вступ. статья и пер.) // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 1. Античность. Средние века. Возрождение. М., 1962. – С. 98-122.
10. Ревякина Н.В. Из истории этических идей эпохи Возрождения // Вестник МГУ. Сер. 9. История. 1962. №3. – С. 56-74.
11. Стам С.М. Ведущие идеи итальянского гуманизма // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Саратов, 1984. Ч. 1. – С. 4-74.
12. Стам С.М. Корифеи Возрождения. Искусство и идеи гуманистического свободомыслия. Саратов, 1991. Кн. 1. – 294 с.
13. Петрарка Ф. Моя тайна // Избранное. М., 1974. – С. 32-41.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Прокопьева Наталья Валентиновна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»